

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.Б. Карпенко

Самарский государственный университет

НАЧАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ

Начальный образ мира в древнеславянской книжности, как отраженное представление о мире, возникающее на основе и в форме первой книжно-письменной знаковой системы славян, является таким объектом медиевистики, который, несмотря на реальность тысячелетней истории его дальнейшего развития и преломления в конкретных славянских религиозных, философских, художественных системах, только теперь заявляется для научного осмысления [1]. Причиной «неочевидности» данного объекта послужило затянувшееся более чем на два с половиной столетия состояние нерешенности вопроса о первой письменной системе славян, в связи с чем и сегодня не теряет своей актуальности ряд утверждений о первичности глаголицы как славянской азбучной системы.

И источники, и опыт двух с половиной столетий их изучения свидетельствуют о том, что до миссионерской деятельности Константина Кирилла и Мефодия у славян развитой письменности, то есть приспособленной для фиксации текстов, соответствующих понятию книжности, не было. Исторической реальностью является то, что древнейшие славянские рукописи написаны глаголическим письмом на старославянском языке, иначе называемом древнецерковнославянским, древнеболгарским, общеславянским литературным языком. Сами термины говорят о функциональном назначении этого богослужебного по происхождению языка, его народно-разговорной основе и наднациональном, общеславянском характере. Объективно существует двусторонняя связь между понятиями «древнеславянская книжность» и «глаголица». Эта связь обнаруживает себя в следующем: на глаголице написаны самые древние церковнославянские тексты. Кроме того, глаголица периода старославянской книжности X-XI вв. (эпиграфика Круглой церкви Преслава, древнейшие рукописные памятники глаголического письма – Ассеманиево ев., Зографское ев., Мариинское

ев., Синайская псалтырь, Сборник Клоца и др.) и позднее – древнерусской – имеет характер исключительно сакрального христианского письма, что подтверждается как содержанием рукописей, так и традицией их хранения в монастырях Афона и Синая вплоть до XIX-XX вв.

Языковые особенности, последовательно отраженные в древнейших памятниках глаголического письма (южнославянские рефлексы [шт] и [жд] на месте *tj, *dj; сохранение носовых; отражение широкого произношения звука [ě] ѣ др.; лексические и синтаксические болгаризмы), ясно обозначают южнославянскую болгаро-македонскую народно-разговорную основу старославянского языка.

Не только до Кирилла и Мефодия славяне не имели своей книжности, они не располагали и собственным литературным языком, на котором могла бы быть создана книжность. Это важнейшее с филологической точки зрения обстоятельство не учитывается теми, кто продолжает эксплуатировать тему «русских писмен». Осознание значения Кирилло-Мефодиевского наследия (азбуки, церковнославянского языка и древнеславянской литературы) для развития русской культуры присутствует уже в оценках древнерусских летописцев. Древнерусский книжный язык воспринимался летописцами как тот же самый язык, славянский, что был создан св. Кириллом, язык Священного Писания. Как и в более поздний период русского Предвозрождения, о котором пишет Д.С.Лихачев, «русские читали болгарские и сербские произведения, как и свои» [2]. Что касается более раннего периода, то нет оснований говорить о развитой письменности у восточных славян до крещения и, тем более, в докирилловскую эпоху. Разрозненность последних археологических находок, характер эпиграфических источников (знаки, метки, монограммы), единичность надписей – согласуются с общепринятым в палеославистике положением, что развитая письменность у славян, вылившаяся в книжную традицию, связана была с христианизацией, созданием Церкви и становлением государственности.

Любая общественно значимая ценностная система получает закрепление в символизации принимаемой социумом модели мироустройства – образа мира, в котором получает отражение не только картина мироздания, но и определенные нравственные императивы – символически выраженные принципы жизни, определяющие программу поведения членов коллектива. Для славянской книжной культуры значение такой моделирующей семиотической системы, выполнявшей ориентирующую роль в формировании мировоззрения древнего славянина, получил христианский образ мира, закреплённый в созданной Кириллом Философом при переводе Библии на славянский язык азбуке глаголице.

Глаголические буквы-иероглифы, в которых древним славянам было явлено евангельское слово, обеспечивали возможность не только его прочтения, но и «чувственного» восприятия библейского текста через созер-

цание, образное постижение сложных религиозных понятий, позволяющее представить мир в целостности как совокупный образ бытия. Выстроенная последовательно по кругу, азбука образует целостный символ единства и полноты Вселенной – начальный образ мира. В нем отражается религиозно-нравственное, эстетическое и естественнонаучное знание. В божественном мире в симметрии и равновесии пребывают противоположные между собой свет и тьма, покой и движение, добро и зло, а осью, удерживающей равновесие, служат: холм вознесения, крест, ведение, софийность, вера, Церковь. Модель круга графически акцентирует главенствующую в азбуке религиозно-нравственную идею духовного восхождения к Богу на пути к Церкви как цель человеческой жизни. Она утверждает первичность для человека духовных и нравственных ценностей по сравнению с материальным миром.

Таким образом, символизм как характерная особенность образного мышления средневекового человека получает в семиотике глаголицы последовательное выражение. Можно говорить о древности и универсальности приемов создания глаголического знакового образа и его графического воплощения. Они основаны на механизме перевода словесно переданного образа в образ визуальный. Свойственные азбучным начертаниям приемы создания визуального образа строятся на универсальных тропах: на метафоре, метонимии или синекдохе (Овен-Агнец – символ Христа; росток – символ жизни; эмбрион – символ рождения; кривые пути – символ греховности; отпадение – символ зла; дракон – символ темных сил; рог – символ победы, спасения, Церкви; солнцеобразный венец – символ вознесения и т.д.) и находят параллели в древневосточных изобразительных приемах.

Начертания глаголических букв, наделенные свойством идеографичности и обусловленные содержанием Библии (так же, как и их имена), воспроизводят наиболее значимые с точки зрения христианства аспекты религиозного миропонимания. Так, в глаголической матрице в нескольких символических кодах передана евангельская идея о Христе – в именах букв, их фонетических значениях, символических значениях начертаний. Фонетические значения матричных знаков образуют имя Христа, их имена соотносят идею Бога-Слова с понятиями Священный и Холм, а начертания передают идею единства субъекта Нисхождения, Восхождения, Рождения и Вознесения. Все элементы взаимосвязаны и каждый из них включает особый аспект содержания, существенный для символизации христианской идеи. Матричное построение является закономерностью, отражающей рациональную природу глаголической азбуки. Можно говорить, что матрица глаголицы представляет собой графически выраженный Символ веры. Более того, наиболее значимые смыслы Царео-Никейского Символа веры получают отражение в матричных знаках глаголицы (Верую... во Иисуса Христа, Сына Божия Единородного..., рожденна, несотворенна..., сшедшаго с небес..., и вочеловечшася..., и воскресшаго... и возшедшаго на небеса...).

Глаголица как символическая система отражает не только философию веры, но и философию этики. Она утверждает идею добродетельного образа жизни. Ее имена образуют ключевые заповеди Библии, наиболее последовательно они согласуются с тридцать шестым псалмом, в котором содержатся правила добродетельной жизни. Таким образом, азбука Кирил-

ла не только явилась новой и совершенно оригинальной графической системой, но и закрепила в своих именах и начертаниях начальный для славянской книжности символический образ мира, основанный на религиозных, философских, этических, эстетических, естественнонаучных представлениях времени. В силу исторических обстоятельств глаголица утратила роль основной системы письма. Но, выполнив эту функцию изначально, она остается символической матрицей христианского кода культуры. Символическая природа азбуки проливает свет на наследуемый, поддерживаемый богатейшей предшествующей традицией, характер славянской книжности.

Литература

1. Карпенко Л.Б. Глаголица как семиотическая система: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2000. 409 с.
2. Лихачев Д.С. Обращение к «своей античности» // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I. С. 725-731.

Халина Кудлиньска

Лодзь, Польша

Е.П. Сеничкина

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

ВОПРОС О СПОСОБАХ И ПРИЁМАХ ОБРАЗОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В русистике вопрос о способах и приемах образования эвфемизмов находится на начальной стадии развития. Б.А. Ларин привел уровневую классификацию эвфемизмов, разделив их на однословные и предложения [Ларин 1961].

Е.П. Сеничкина разработала морфологическую классификацию однословных эвфемизмов [Сеничкина 2006: 87-88], которая вызвала в научной литературе оживленное обсуждение. Некоторые оппоненты морфологической классификации эвфемизмов не поняли важности грамматического подхода к заменяющим наименованиям, которые, безусловно, являются номинативными единицами языка. Рассмотрение эвфемизмов в психолингвистическом ключе или в риторическом аспекте не может отменять или исключать изучение заменяющих наименований в традиционном грамматическом подходе. Именно морфологическая классификация даёт характеристику семантики, грамматики и словообразовательных особенностей части речи, обусловивших использование её в качестве эвфемизма.